

Идея Родины въ совѣтской поэзіи.

Торжество большевиковъ въ Россіи въ 1917 году простекло изъ нѣкотораго неслыханнаго въ міровой исторіи, по своему размаху и стихійности, потрясенія и уничтоженія идеи Отечества. . . Въ русскихъ народныхъ массахъ не оказалось вовсе патріотическаго чувства. Вожди большевизма, разлагая государственность и Армію, сумѣли использовать отсутствіе патріотизма въ народѣ для цѣлей коммунистической революціи. Но захвативъ власть, они овладѣли страной, которая, въ существѣ, была беззащитна передъ иностраннымъ вторженіемъ... Безбрежность ро сійскихъ пространствъ, вмѣстѣ съ рядомъ иныхъ конкретно-историческихъ обстоятельствъ, — оградила совѣтскую Россію 1918 — 20 года отъ чужеземнаго завоеванія. Для большевиковъ, которые готовы жертвовать Россіей ради задачъ міровой Революціи, — та же Россія, вотъ ужъ четвертый годъ, — служить пріютомъ и кровомъ. Страна разорена. Но свое коммунистическое обиталище большевики постарались отдѣлать возможными украшеніями. Постарались они, между прочимъ, создать и „совѣтскую поэзію“. Многіе русскіе поэты — въ томъ числѣ крупнѣйшіе — стали „совѣтскими“; при этомъ, въ извѣстной степени, они не утратили плодovitости. И нынѣ брошюры, подъ сѣрой обложкой, берлинскаго издательства „Скиѳы“ сдѣлали нѣкоторую часть ихъ произведеній доступными зарубежной русской публикѣ. Тутъ мы находимъ уже давно обошедшіе весь русскій міръ поэмы Александра Блока „Скиѳы“ и „Двѣнадцать“, — сопровождаемая статью Иванова Разумника „Испытаніе въ грозѣ и бурѣ“*); затѣмъ поэмы: Андрея Бѣлаго „Христось Воскресе“

*) Ивановъ Разумникъ Испытаніе въ грозѣ и бурѣ. Александръ Блокъ Скиѳы. Двѣнадцать. Издательство „Скиѳы“. Берлинъ 1920, стр. 67.

и Сергѣя Есенина „Товарищъ“ и „Инонія“ — комментаріи къ которымъ, въ „официозномъ“ совѣтскомъ духѣ, даетъ тотъ-же Ивановъ Разумникъ (статья „Россія и Инонія“)*). Кромѣ того, имѣются отдѣльные небольшие сборники стиховъ: „Пѣснь Солнценосца“ Н. Клюева**) и „Триптихъ“ С. Есенина. . .***)

Первый вопросъ, который читатель можетъ и долженъ поставить въ отношеніи преподносимой ему поэзіи, это вопросъ объ ея художественномъ достоинствѣ. Ибо внѣ художественной силы нѣтъ поэзіи. Но второй вопросъ, который вслѣдъ за тѣмъ подсказываетъ философская пытливость, есть вопросъ о томъ, какъ оразилось въ совѣтской поэзіи то потрясеніе и уничтоженіе идеи Отечества, доселѣ являвшейся, какъ ни какъ, идеологическимъ стержнемъ поэгического творчества каждаго народа, — потрясеніе и уничтоженіе, составляющее сущность и обусловившее собою торжество большевизма.

Для непосвященнаго читателя первое впечатлѣніе будетъ неожиданнымъ и необъяснимымъ: Совѣтская Власть утвердилась потому, что сумѣла использовать свойственное русскимъ народнымъ массамъ отсутствіе патриотизма; самое слово „патриотизмъ“ она сдѣлала ругательнымъ; а „совѣтская поэзія“, которая раскрывается намъ въ брошюрахъ подъ сѣрой обложкой, вся, до послѣдняго изгиба, проникнута напряженной и острой идеей Отечества! . . .

Чѣмъ инымъ, какъ не этой идеей, прожжена ставшая нынѣ столь извѣстной поэма Александра Блока „Скины“?:

„Миліоны — васъ. Насъ — тьмы, и тьмы, и тьмы.
 Попробуйте, сразитесь съ нами!
 Да, скины — мы. Да, азіаты — мы.
 Съ раскосыми и жадными очами. . .

О, старый міръ! Пока ты не погибь,
 Пока томишься мукой сладкой,
 Остановись, премудрый, какъ Эпипъ,
 Предъ Сфинксомъ съ древнею загадкой!

*) Ивановъ Разумникъ. Россія и Инонія. Андрей Бѣлый. Христось Воскресе. Сергѣй Есенинъ. Товарищъ. Инонія. Изд. „Скины“. Берлинъ, 1920, стр. 80.

**) Н. Клюевъ, Пѣснь Солнценосца. Земля и Жельзо. Изд. „Скины“ Берлинъ, 1920, стр. 19.

***) Сергѣй Есенинъ. Триптихъ. Поэмы. Изд. „Скины“. Берлинъ, 1920, стр. 19.

Россія — Сфинксъ. Ликуя и скорбя,
И обливаясь черной кровью,
Она глядитъ, глядитъ въ тебя,
И съ ненавистью, и съ любовью! . . .

Мы любимъ все, — и жаръ холодныхъ числъ,
И даръ божественныхъ видѣній.
Намъ внятно все — и острый галльскій смыслъ,
И сумрачный германскій геній.

Мы любимъ плоть — и вкусъ ея, и цвѣтъ,
И душный, смертный плоти запахъ. . .
Виновны ль мы, коль хрустнетъ Вашъ скелеть
Въ тяжелыхъ, нѣжныхъ нашихъ лапахъ? . . .“

Что иное, какъ не раскаленное чувство Россіи рождаетъ пафосъ заключительныхъ — лучшихъ — строфъ поэмы Андрея Бѣлаго „Христось Воскресе“?:

„Россія, — Ты нынѣ — Невѣста. . . — Приемли — Вѣсть — Весны“. . . — „Россія—Страна моя — Ты-та самая, — Облеченная солнцемъ Жена, — Къ которой — Возносятся — Взоры... — Вижу явственно я: — Россія, — Моя, — Богоносица, — Побѣждающая Змія. . . — Народы, — Населяющіе Тебя — Изъ дыма — Простерли длани — Въ Твои пространства, — Преисполненныя пѣнія—И огня—Слетающаго Серафима.—И что-то въ горлѣ — У меня—Сжимается отъ умиленія“.

И не это ли чувство вздымаетъ и ведетъ „Солнценосцевъ“ Н. Клюева?:

„Мы — рать солнценосцевъ на пупѣ земномъ,
Воздвигнемъ стобашенный, пламенный домъ;
Китай и Европа, и Сѣверъ и Югъ
Сойдутся въ чертогъ хороваго подругъ,
Чтобъ Бездну съ Зенитомъ въ одно сочетать.
Имъ Богъ — воспреемникъ, Россія же — мать“.

По тому же пути и къ той-же цѣли идетъ „солнценосець“ С. Есенина:

„О родина, счастливый
И неисходный часъ!
Нѣтъ лучше, нѣтъ красивѣй
Твоихъ коровьихъ глазъ.“

Тебѣ, твоимъ туманамъ
И овцамъ на поляхъ
Несу, какъ снопы овсяный,
Я солнце на рукахъ.

Святись преполовеніемъ
И рождествомъ святись.
Чтобъ жаждущіе бдѣнія
Извѣчемъ напиться.

Плечми трясемъ мы небо,
Руками зыбимъ мракъ,
И въ тощій колосъ хлѣба
Вдыхаемъ звѣздный злакъ.

О Русь, о степь и вѣтры,
И ты, о отчій домъ,
На золотой повѣти
Гнѣздится вешній громъ.

Овсомъ мы кормимъ бурю.
Молитвой поимъ доль,
И пашню голубую
Намъ пашеть разумъ — воля". . .

Намъ не кажется „преувеличеніемъ“, когда Блоковскимъ „Скиѡамъ“ Ивановъ Разумникъ ищетъ аналогій въ Пушкинскихъ „Клеветникахъ Россіи“ и въ поэзиі Тютчева. Отыскивая эти аналогіи, Ивановъ Разумникъ противопоставляетъ „Клеветникамъ Россіи“ — поэму „Мѣднаго Всадника“. Последнюю онъ находитъ „произведеніемъ. . . глубокимъ, исполненнымъ надъ-историческихъ прозрѣній. . . Но. . . у Пушкина, кромѣ „Мѣднаго Всадника“, есть почти тогда же написанныя произведенія захвата историческаго: „Къ тѣни полководца“, „Клеветникамъ Россіи“, „Бородинская Годовщина“. Тамъ — надъ-историческія прозрѣнія, здѣсь — историческія воззрѣнія“. . . Обращаясь къ Александру Блоку, онъ считаетъ поэму „Скиѡы“ „поэтическимъ манифестомъ“, аналогичнымъ „Клеветникамъ Россіи“, т. е. заключающимъ въ себѣ „историческія воззрѣнія“. . . Дѣйствительно такъ: „Скиѡы“ есть изложение „историческаго воззрѣнія“ — и при томъ сказанное хотя и жгучими, въ своей напряженности, но „отвлеченными“ сло-

вами. . . И ссылка на количественныя соотношенія („Мильоны — вась. Нась — тьмы, и тьмы, и тьмы“), и описаніе западно-европейской культуры (. . . „и жарь холодныхъ числь, — и дарь божественныхъ видѣній — . . . и острый галльскій смыслъ — И сумрачный германскій геній“. . .) и даже самый образъ Сфинкса, въ томъ примѣненіи къ Россіи и Европѣ, которое мы находимъ у Блока, все это — формы особой историко-политической поэзіи, которой отдалъ дань Пушкинъ въ переложенныхъ выше произведеніяхъ „захвата историческаго“.

Въ отличіе отъ прежнихъ произведеній, отъ „Стиховъ о Прекрасной Дамѣ“, „Незнакомки“, „На полѣ Куликовомъ“ и пр., въ поэмѣ „Скиѣы“ Блокъ — символистъ не болѣе и не менѣе, чѣмъ Пушкинъ въ „Клеветникахъ Россіи“. И даже языкъ „Скиѣовъ“ есть языкъ „пушкинскій“. . . Въ этомъ „пушкинскомъ“ характерѣ языка и образовъ „Скиѣовъ“ — отличительный признакъ даннаго произведенія въ ряду иныхъ, посвященныхъ Россіи твореній „совѣтской поэзіи“. . . Восторженныя (цитированныя нами выше) строфы Андрея Бѣлаго о Россіи включены въ общую поэтическую ткань символическихъ и мистическихъ видѣній его „Христось Воскресе“: „Есть — Станный — Пламень — Въ пещерѣ безвѣрія, — Когда озаряется — Мгла — И отъ насъ — Отваливаются — Тѣла, — Какъ падающій камень. . . — Огромная атмосфера — Сіяніемъ — Опускается на каждого изъ насъ, — Перегорающимъ страданіемъ — Вѣка — Омолнится — Голова — Каждого человѣка. — И слово, — Стоящее нынѣ — По срединѣ — Сердца, — Бурями вострубленной — Весны, — Простерло — Гласящія глубины — Изъ огненнаго горла: — Сыны — Возлюбленные, — „Христось Воскресе“. . .

И только какъ отдѣльные блики, проскальзывающіе черезъ покровы мистическихъ вдохновеній, звучать слова жуткаго реализма, — напоминающаго реализмъ живописныхъ произведеній Ник. Ник. Ге въ послѣдній періодъ его художественной дѣятельности („Что есть истина?“, „Распятіе“ и др.): „Деревянное тѣло — Съ темными пятнами впадинъ — Провалившихся странно — Глазъ — Деревенѣющаго Лица, — Проволокли, — Точно желтую палку, — Забинтованную — Въ шелестящія пелены. . . — “

Поскольку символика и мистика, лежащая въ основѣ „Христось Воскресе“, есть прозрѣніе, оно есть несомнѣнно „надъ-историческое прозрѣніе“. Но эта „надъ-историчность“ существенно отличается отъ „надъ-историчности“ „Мѣднаго Всадника“. Въ поэмѣ Пушкина (такъ-же, какъ и въ поэмѣ „Двѣнадцать“ А. Блока, съ которой ее сопоставляетъ Ивановъ Разумникъ) „надъ-историческая“ идея раскрыта въ нѣкоторомъ конкретно-историческомъ дѣйствіи (наводненіе 1824 г. у Пушкина, эпопея „двѣнадцати“ у Блока). Идея же „Христось Воскресе“ Андрея Бѣлаго дана не въ канвѣ конкретно-историческаго дѣйствія, а въ словахъ и образахъ, свойственныхъ лирической и мистически-религіозной поэзіи символизма. . .

Въ результатѣ сопоставленій можно сдѣлать интересное историко-литературное наблюдение: объ поэмы А. Блока, возникшія, какъ отраженіе Революціи, „Скифы“ и „Двѣнадцать“, являются въ отношеніи къ поэзіи Блока, взятой, какъ совокупность, нѣкоторой кульминаціей пушкинскаго начала въ его творчествѣ, подлиннымъ подобіемъ „Клеветникамъ Россіи“ и „Мѣдному Всаднику“ — несмотря на различіе между обѣими группами произведеній, вытекшія изъ различія эпохъ. . . Поэтический же языкъ (въ широкомъ смыслѣ этого слова), которымъ говорятъ коллеги А. Блока по „совѣтской поэзіи“, не есть отличительно „пушкинскій“, но нѣкоторый иной — символистическій — языкъ.

Свою идею Россіи и Н. Клюевъ и С. Есенинъ одинаково облакаютъ (примѣчательный параллелизмъ!) въ образъ коннаго восшествія и шествія Руси-Россіи къ небесамъ и въ небѣ:

„Къ кручинѣ по крыльямъ, пригожихъ лицомъ
Мы „соколомъ яснымъ“ и „павой“ зовемъ,
Узнайте же нынѣ: на кровлѣ конекъ
Есть знакъ молчаливый, что путь нашъ далекъ.

Изба — колесница, колеса — углы,
Слетятъ серафимы изъ облачной мглы,
И Русь избяная — несмѣтный обозъ! —
Вспаритъ на распутии взывающихъ грозь..

Сметутся народы, изсякнутъ моря,
 Но будетъ шелками расшита заря, —
 То дѣвушки наши, въ поминокъ вѣкамъ,
 Разстелютъ ширинки по райскимъ лугамъ“.

(Н. Клюевъ).

Стихи же С. Есенина гласятъ такъ :

„Ей, Россіане! — Ловцы вселенной — Неводомъ зарі
 зачерпнувшіе небо — Трубите въ трубы... — Свѣтлый гость
 въ калымагѣ къ вамъ — Ёдетъ. — По тучамъ бѣжитъ —
 Кобылица. — Шлея на кобылѣ — Синь. — Бубенцы на шлѣѣ
 — Звѣзды —“.

Приведенныя строфы ни въ коемъ случаѣ не являются
 политическимъ разсужденіемъ въ стихахъ, какимъ можно
 признать, въ извѣстной степени, и „Клеветниковъ Россіи“ Пуш-
 кина и Скнѣвовъ“ Блока. И въ то же время это есть несом-
 нѣнное „сказаніе о Россіи“.

Перечтя эти и подобные имъ стихи, невольно прихо-
 дишь къ заключенію, въ которомъ, какъ кажется, мерцаетъ
 сіяніе нѣкой еще не раскрывшейся, но уже близкой Истори-
 ческой Истины: никогда, быть можетъ, за все существованіе
 російской поэзіи, отъ „Слова о Полку Игоревѣ“ и до на-
 шихъ дней, — идея Родины, идея Россіи не вплеталась такъ
 тѣсно въ кружева и узоры созвучій и образовъ религіозно-
 лирическихъ и символическихъ вдохновеній, — какъ въ этихъ
 стихахъ „совѣтскихъ поэтовъ“, стихахъ служителей того ре-
 жима, который, казалось, отмѣнилъ самое понятіе Родины и
 воздвигъ гоненіе на всѣхъ, кто въ политической области ис-
 повѣдовалъ „любовь къ Отечеству“ и „народную гордость“.

„О родина, счастливый — И неисходный часъ!...—О
 Русь, о степь и вѣтры, — И ты, о отчій домъ... Святись
 преполовеніемъ — И рождествомъ святись, — Чтобъ жаж-
 дущіе бдѣнія — Извѣчемъ напилсь“. — Это ли не „лю-
 бовь къ Отечеству“?...

„Ей, Россіане! — Ловцы вселенной — Неводомъ зарі
 зачерпнувшіе небо — Трубите въ трубы...“ Это ли не „на-
 родная гордость“?

„Народная гордость“ — это слово Карамзина. И на са-

момъ обращеніи: „Ей, Россіяне!“ лежитъ печать карамзинскаго стиля, „Исторіи Государства Россійскаго“...

„Любовь къ отечеству“, „народная гордость“ — и то и другое въ примѣненіи къ Россіи... Но къ какой Россіи? Не заключается ли въ нашемъ „патріотическомъ“ пониманіи „совѣтскихъ поэтовъ“ основного и горестнаго заблужденія? — Мы говоримъ о конкретной Россіи, которая есть, конечно, и „родина духовная“, и „отечество внутреннее“ — но въ то же время и нѣкоторое исторически и географически определенное „единство“ — и даже мыслимая и дѣйствительная „великая держава“... А совѣтскіе поэты отбрасываютъ, быть можетъ, какъ соръ, „великодержавность“, презираютъ и отвергаютъ историческое и „географическое единство.“ Не есть ли ихъ Россія — образъ безъ плоти и очертаній, который, въ существѣ, является болѣе „Интернационалкой“, чѣмъ Россіей? ... Офиціозный совѣтскій критикъ Ивановъ Разумникъ стремится дать (да ех офіціо и долженъ давать) именно такое толкованіе:

„Ваши превосходительства. высокородія, благородія, граждане! Что есть Русская Имперія наша? Русская Имперія наша есть географическое единство, что значитъ: часть извѣстной планеты. И Русская Имперія заключаетъ: во-первыхъ — великую и малую, бѣлую и червонную Русь; во-вторыхъ — грузинское, польское, казанское и астраханское царство; въ-третьихъ она заключаетъ... Но — прочая, прочая, прочая“ (Андрей Бѣлый, „Петербургъ“). — Эта Россія — погибла, и пусть плачутъ тѣ, которымъ дорога была она, какъ „географическое единство“, болѣе того — какъ „великая держава“. Съ ними у насъ нѣтъ общаго языка, мы не поймемъ и даже не разслышимъ другъ друга, мы на разныхъ сторонахъ пропасти... Гибнетъ географическая родина, гибнетъ великодержавное отечество“.

Обратимся же къ произведеніямъ „совѣтскихъ поэтовъ“ и посмотримъ, какъ обстоитъ у нихъ дѣло съ провозглашеніемъ гибели „великодержавнаго отечества“, отверженіемъ „географической родины“...

Когда Пушкинъ написалъ своихъ „Клеветниковъ Россіи“.

ему бросали упрекъ въ „шинельномъ патріотизмѣ“—вѣдь въ этомъ произведеніи значатся, между прочимъ, и такія строки:

„Вы грозны на словахъ—попробуйте на дѣлѣ!
Иль старый богатырь, покойный на постелѣ,
Не въ силахъ завинтить свой изманьскій штыкъ?...
Иль мало насъ? Или отъ Перми до Тавриды,
Отъ финскихъ хладныхъ скалъ до пламенной Колхиды,
Отъ потрясеннаго Кремля
До стѣнъ недвижнаго Китая,
Стальной щетиною сверкая,
Не встанетъ русская земля?
Такъ выспрайте-жь къ намъ, вити,
Своихъ озлобленныхъ сыновъ:
Есть мѣсто имъ въ поляхъ Россіи,
Среди не чуждыхъ имъ гробовъ?“

Эти слова навѣяны чувствомъ великодержавнаго могущества Родины. Но не это-ли чувство сказывается и въ Блоковскихъ „Скиѣахъ“?:

„Миліоны—васъ. Насъ—тѣмы, и тѣмы, и тѣмы.
Попробуйте, сразитесь съ нами!...
Винновны-ль мы, коль хрустнетъ вашъ скелеть
Въ тяжелыхъ, нѣжныхъ нашихъ лапахъ?“

Не содержится-ли въ этихъ строкахъ исповѣдованіе російскаго могущества, мысль о военной силѣ Родины? Здѣсь предвѣщается „сраженіе“; и какъ результатъ его—долженъ „хрустнуть“ скелеть Европы... Интересно, что аналогія между „Клеветниками Россіи“ и „Скиѣами“ замѣчается даже въ деталяхъ. Пушкинскому вопросу: „Иль мало насъ?“ соотвѣтствуетъ блоковское утвержденіе: „Насъ—тѣмы, и тѣмы, и тѣмы“. Охотно допускаемъ, что Александръ Блокъ не сознавалъ, что дѣлалъ, когда писалъ эти строки: вѣдь все-же онъ поэтъ „совѣтскій“. Тѣмъ замѣчательнѣе было-бы несоотвѣтствіе замысла и непосредственной правды поэтическихъ словъ... Только одинъ упрекъ можно сдѣлать „Скиѣамъ“ съ точки зрѣнія русскаго патріотическаго сознанія: упрекъ въ томъ, что поэтъ переоцѣниваетъ силу Россіи и въ этомъ смыслѣ, быть можетъ, вводитъ въ заблужденіе своихъ соотечественниковъ. Дѣйствительно-ли мы настолько сильны, чтобы могъ „хрустнуть“ скелеть Европы „въ тяжелыхъ, нѣжныхъ

нашихъ лапахъ“?.. Объ этомъ можно спорить, здѣсь допустимы сомнѣнія.

Ивановъ Разумникъ утверждаетъ, что „гибнетъ географическая родина“. Какъ отзывается на такое утверждение Клюевскій Садко—Солнценосецъ?

„Здравствуешь, Волюшка-мать,
Божьей земли благодать,
Бѣлая Меря, Сибирь,
Ладоги хлябкая ширь!

Здравствуйте Волховъ—гусярь,
Степи Великихъ Бухарь,
Синій Моздокскій тумань,
Волга и Стенькинъ Кургань!

Чай стосковались по мнѣ,
Красной поддоной веснѣ,
Думали—злой водяникъ
Выщербилъ пѣсенный ликъ?

Я же—въ избѣ и хлѣву
Ткаль золотую молву,
Сиринь мнѣ вѣсти носилъ
Съ плахъ и безкrestныхъ могиль.

Рушайте-же лебедь—судьбу,
Въ звонъ осластите губу,
Кіева сполохъ—уста
Пусть возсіяютъ, гдѣ Мста.

Чмокъ городовъ и племень
Въ ликъ моемъ воплощень,
Я—пѣсноводный женихъ,
Русскій, яровчатый стихъ!“

Гибель „географической родины“ или высшее ея утверждение? Явно: не гибель, но утверждение. Своимъ взоромъ, какъ зарницей, поэтъ „обводитъ... цѣлый кругъ“, пространственный кругъ Державы Россійской. Не какъ безплотность, не какъ отвлеченную „Интернаціоналку“—но какъ нѣкоторую географически-поэтическую реальность воспринимаетъ онъ Россію. Онъ чувствуетъ ея степи и шири, курганы ея и туманы—и въ поэтическихъ словахъ обозрѣваетъ ея предѣлы; не только предѣлы „великой и малой“ Россіи—но и тѣхъ странъ,

гдѣ стелются „степи Великихъ Бухарь“ и синѣтъ „моздокскій туманъ“. Вотъ ужъ поистинѣ можно сказать, что не только тѣмъ, кто „по ту сторону пропасти“, но и „совѣтскому поэту“ Клюеву дорога Россія, какъ „географическое единство“, и при томъ „географическое единство“ великодержавныхъ предѣловъ.

Поэму о восшествіи къ небесамъ „избяной Руси“ Клюевъ начинаетъ слѣдующими словами:

„Есть горькая супесь, глухой черноземъ,
Смиренная глина и щебень съ пескомъ.
Окунья земля, травяная медынь.
И пѣгая охра, жилища пустынь.

Межъ тучныхъ, глухихъ и скудельныхъ земель
Есть мать-земля, бытія колыбель.
Есть пѣстунъ судьба, вертоградарь-же—Богъ,
И въ сумеркахъ жизни къ ней нѣту дорогъ“.

Первая строфа этого отрывка есть настоящій „каталогъ почвъ“ географической Россіи. Полоса супесей и суглинковъ, поясъ черноземовъ и пустынь выступаютъ послѣдовательно въ сознаніи читателя. Если не бояться прозаическихъ сопоставленій,—то можно сказать, что въ этой строфѣ, какъ въ нѣкоторомъ резюме, заключено ученіе о почвенныхъ зонахъ Россіи, установленіе котораго явилось въ свое время важнѣйшей заслугой русской школы почвовѣдовъ... Въ данномъ случаѣ чрезвычайная обостренность географическаго чувства поэта приводитъ его къ нѣкоторому излишеству, эксцессу географичности, могущему вредить художественному впечатлѣнію.

Замѣчательно, что другой „совѣтскій поэтъ“, С. Есенинъ, даже въ своей богонскательской и богоборческой, сектански-хлыстовской „Иноніи“ прибѣгаетъ къ языку географическихъ формъ:

„И тебѣ говорю, Америка,
Отколотая половина земли,—
Страшись по морямъ безвѣрія
Желѣзные пускать корабли!

Не отягивай чугунной радугой
Нивъ и гранитомъ рѣкъ.
Только водью свободной Ладоги
Просверлитъ бытіе челоуѣкъ!...

Предъ лицомъ этихъ и подобныхъ имъ словъ и образовъ безпомощнымъ лепетомъ звучать „критическія“ разсужденія Иванова Разумника объ уничтоженіи „географической родины“, о гибели „великодержавнаго отечества“. И для нашего сознанія выясняется нѣсколько существенныхъ обстоятельствъ. Не можетъ не быть горестной и грустной мыслью о судьбѣ и поступкахъ тѣхъ „совѣтскихъ поэтовъ“, о которыхъ мы говоримъ. Въ своей душѣ они носятъ проникновенную идею Отечества, а служатъ тѣмъ, кто желаетъ разрушить Родину. Много лицемѣрія и лицемѣрной приспособляемости, а, весьма вѣроятно, и неискренности съ самимъ собою, потребно было для того, чтобы сочетать содержаніе цитированныхъ нами произведеній „совѣтской поэзіи“ съ возможностью „совѣтской службы“ для ихъ авторовъ—особенно въ первоначальные періоды большевизма... Но въ этихъ-же произведеніяхъ заключается приговоръ дѣлу разрушителей Россіи, служителей Интернаціонала.. Еще остаются въ силѣ ихъ лозунги, еще бушуетъ вызванный ими изъ подполья духъ разрушенія, Ивановы Разумники лепечутъ еще о гибели „географической родины“, „великодержавнаго отечества“, а стихія, вынесшая на своемъ гребнѣ большевизмъ и составляющая его силу, неотвратимо и неизбѣжно измѣняется въ самомъ своемъ существѣ. Это не просто пораженіе большевизма, это стихійное его преодоленіе. Желали всѣми средствами поэзіи возславить отрицаніе Родины и Интернаціональ; а создали напряженную и страстную поэзію Отечества. Родина, спаленная, казалось, на кострѣ коммунистической разнузданности, — какъ фениксъ, воскресаетъ изъ Пепла. И крѣпнетъ, какъ драгоценное вино, — хмѣльной любовный напитокъ патриотизма.

Петроникъ.